

Г.Д. Вербов

ПИСЬМА С ФРОНТА СТУДЕНТКАМ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ¹

1 ноября 1941 г.

Дорогие товарищи!

Наконец-то я собрался вам написать! Вот уже четыре месяца, как я в армии. За это время порядком пришлось повидать, пережить и поработать (конечно, уже по новой специальности). Около месяца был на инвалидном положении (правда, не в госпитале), так как сильно расшиб ногу, когда выходил из-под обстрела и ухитрился упасть в глубокий полевой колодезь, в котором преслучайно не утонул (дело было ночью). Сейчас опять вполне здоров, если не считать, что плохо вижу в темноте (результат снежной слепоты, приобретенной на Севере).

Как ваши дела? Идут ли у вас занятия? От Георгия Николаевича (Прокофьева. — *Ред.*) я совсем не получаю писем, хотя сам ему писал. Занимается ли он с вами?

Независимо от того, идут ли у вас занятия по специальным предметам, сами не зевайте, пользуйтесь имеющейся литературой и обязательно при наличии хотя бы маленького досуга читайте указанную и не указанную мною северную литературу. Если вы будете это делать не в ущерб вашим новым нагрузкам

Григорий Давыдович Вербов,
кандидат филологических наук,
заведующий Отделом Сибири.
Убит в бою в 1942 году.

¹ Г.Д. Вербов (1909—1942) работал перед войной старшим научным сотрудником Института этнографии АН СССР. Одновременно в 1939—1941 годах он преподавал ненецкий язык и читал курс этнографии ненцев на этнографическом отделении филологического факультета ЛГУ. Студенты, поступившие в 1939 году на это отделение, специализировались по этнографии народов Средней Азии и Севера (палеоазиатских и самодийских). У Г.Д. Вербова занимались три студентки: Е.В. Рихтер (ныне сотрудник Института истории в г. Таллинне), Л.В. Хомич (Васильева) — сотрудник Института этнографии АН СССР и С.Б. Горфинкель (в период войны перешла в медицинский институт). — *Ред.*

(военным), то ничего плохого не будет. Следите также за новинками, если таковые появляются. Свою специальность можно, сообразно с обстоятельствами, отвести на самый задний план, но забывать о ней никогда нельзя, ни на один день. В этом и заключается «северное» упорство и т.д. (наверно вспоминаете мои «проповеди»).

Обязательно напишите мне обо всем подробно. Желаю вам бодрости, здоровья и успехов во всех ваших делах. В первом я, впрочем, и так уверен. Не сомневаюсь, что мы с вами еще увидимся и даже совершим рано или поздно все вместе первую для вас и, надеюсь, не последнюю для меня экспедицию.

Жму руки.

Ваш Г. Вербов.

Привет И.И. Маркон, Г.Н. Прокофьеву, С.Н. Стебницкому, «корякам» и всем, всем. Напишите обязательно.

12 ноября 1941 г.

Дорогие товарищи!

Очень был рад вашему письму. Теперь по крайней мере знаю, что вы все живы, здоровы, находитесь в Ленинграде и понемножку занимаетесь. Из вашего письма я извлек, правда, ответы далеко не на все мои вопросы. Вы мне все же напишите: 1) Если селькупский язык преподает Г.Н. Прокофьев, то как его здоровье и на какой адрес ему лучше написать. Я писал на Институт, но ответа не получил; 2) Занимаетесь ли вы ненецким языком самостоятельно или с Георгием Николаевичем? Второе, конечно, было бы для вас лучше. Бываете ли у нас в Институте? Цел ли район ЛГУ? Работает ли кафедра этнографии? Я писал И.Н. Винникову, но ответа не получил. Привет А.А. Попову. Где Стебницкий?

Мои дела без особых перемен. Единственное приключение за последнее время было такое: нес вечером котелок с супом. Шел изрядный арт. обстрел. Один снаряд пролетел так низко, что пришлось срочно «приземлиться». Сердце замерло при мысли, что суп выльется (вторую порцию не дадут). Однако я лег удачно — донес суп в сохранности. Снаряд же упал и не разорвался. Такого «брака» у немцев появилось в последнее время порядочно.

Обязательно напишите мне. Всем привет. Желаю успехов.

Ваш Г. Вербов.

22 ноября 1941 г.

Дорогие товарищи Васильева, Горфинкель, Рихтер!

Сегодня, к великой моей радости, получил от вас письмо от 18/11. Был прежде всего рад тому, что вы все живы и здоровы. Это главное.

Теперь начну, как говорится, с конца. Ваша подпись «неудавшиеся ученицы» может иметь только преходящее значение. Я не допускаю мысли, что после войны вы не продолжите начатое. Думаю, что и вы того же мнения. Очень надеюсь, что вы держите в голове,

в душе, или уж не знаю, как это называется, непоколебимое стремление, образцы которого в достаточной степени показали нам покойные Лев Яковлевич Штернберг, Владимир Германович Богораз, не говоря уж о «высокоширотных» полярниках, произведения которых вам отчасти знакомы. Выдержка и воля заключаются, мне думается, не только в твердом стремлении завершить дело, когда уже им занят, но и в готовности жить и ждать (и обязательно дожждаться) того времени, когда к делу можно приступить или продолжить его, если оно прервано. Вспомните Наташу Котовщикову, историю которой я изучал в архиве АН СССР. Она не смотрела назад, а только вперед и перестала заниматься своим делом только тогда, когда упала, не дойдя даже до палатки. Не сомневаюсь, что мои «неудавшиеся» ученицы удадутся вполне, но победа, как говорят, не приходит сама.

Что касается вашей занятости, то мне это понятно. Оборона — дело общее. Но если у вас есть время, то часть его нужно использовать. После войны на Севере нужна будет большая работа, и важно, что у вас будет уже известная подготовка.

Мне несколько труднее заниматься здесь штатскими делами, но все же ухитрился раздобыть популярную книжку Никольского («Детство человечества») и прочесть ее. Раздобыл даже оба тома Ратцеля и немного заглядываю туда. В полевой сумке вожу свой ненецкий словарь, в который иногда (просто для развлечения) заглядываю. Спать здесь приходится немного, но когда расстилаю шинель и укладываюсь, то вперемежку с мыслями о боевых делах и перспективах войны, о доме, об Институте и о вас, перебираю в памяти нерешенные вопросы нашей северной этнографии, эпизоды своей тундровой жизни и иногда так размечаешься, что кажется, словно холод, забирающийся за ворот, ползет от основания шестов чума, из «ханзо»; кажется, что сейчас послышится привычный сухой стук, который производят олени, ударяясь рогами о рога, когда подерутся, ночью бродя возле чума в поисках деликатесов. Стук раздается, но он громче и суше, — разорвался очередной немецкий снаряд.

Работаю много, сколько могу. Сейчас это нужно как никогда. Уверен, что наша борьба закончится полной победой. Нас здесь очень воодушевляет спокойствие и выдержка находящихся за нами вас — ленинградцев. Ни в ваших письмах, ни в письмах из дома или из Института я не вижу и тени жалоб на тяготы войны и блокады. Все ведут себя (даже в письмах) спокойно и уверенно. Так и надо. Будем и впредь держаться так же. Жить мы любим, а смерти не боимся.

Желаю вам успехов и бодрости. Наша встреча не за горами.

Ваш Г. Вербов.

29 ноября 1941 г.

Вчера получил ваше письмо и, как всегда, был очень и очень рад. Соответствующим образом и улыбался, а не саркастически, как вы думаете. Насчет Севера вы пишете правильно, очень надеюсь, что и думаете так. Селькупским надо будет заниматься как следует, тем

более, что Георгий Николаевич частенько болеет и, в случае пропусков занятий, надо самим не сидеть сложа руки. Да, имейте в виду, что II том Миллера вышел перед самой войной, и его тоже можно достать. У Миллера пока стоит посмотреть те места, которые связаны с нашими народами и районами. Хорошо, если бы вам разрешили заниматься в библиотеке нашего Института. Надеюсь, что Георги там, например, есть. Неплохо бы вам прочесть Н.В. Латкина «Дневник путешествия на Печору». Напечатано это в Записках РГО. Было бы очень хорошо (рано или поздно это будет необходимо) заняться следующей работой — просмотреть журналы: 1) «Северная Азия» (выходил с 1925 по 1930 г.); 2) «Советский Север» (выходил с 1930 по 1935 г.); 3) «Северная Арктика» (выходит, кажется, с 1935 г.); 4) «Известия (?) Архангельского общества по изучению Русского Севера» (выходил приблизительно с 1908 по 1917 или 1918 г.). В этих журналах вы найдете много статей, посвященных немцам. Так как при просмотре вы будете иметь дело только с заголовками, то обращайтесь главным образом на район. Если район «подозрителен» — загляните в статью непременно и почти всегда найдете (хоть немножко) по интересующему вас вопросу. При просмотре, как бы медленно и урывками он ни производился, следует придерживаться следующих правил: 1) номера журнала (с указанием года), которые просмотрены, следует отмечать на особом листке, заведенном для данного журнала. Тогда не будете сбиваться и дважды проделывать одну и ту же работу; 2) нужно статью выписывать на библиографическую карточку. При чтении статей, как впрочем и книг, всегда обращайтесь внимание на ссылки в тексте внизу и берите их на заметку, чтобы просмотреть те книги и статьи, которые, судя по ссылке, того заслуживают. Если не будете этим пренебрегать, то у вас получится своего рода библиографический *perpetum mobile*.

Мои дела идут по-прежнему. Работы так много, что письма пишу, когда все спят. Иначе не выходит. Огорчены наступлением оттепели — нам мокро и немцам теплее. Думаю, что это не надолго.

Желаю вам успехов. Жду опять письмеца. Если есть или будут вопросы, в разрешении которых сумею помочь, — пишите. Когда получая от вас письмо — сразу бодрости прибавляется.

Жму руки.

Ваш Г. Вербов

27 декабря 1941 г.

Дорогие товарищи!

Спасибо за ваше письмо от 23/12, которое я вчера получил, и за ваше поздравление с Новым годом. Отвечаю вам тем же. Вы пишете как настоящие ленинградцы, а это звание чего-нибудь да стоит. Вижу, что духом не падаете.

У меня все по-прежнему. Работаю порядочно. Немцев понемногу подталкиваем. Им прохладно. Особенно по ночам. Выйдешь — луна в круге — «һэһэнван», блестит снег, белеет река, словно в тундре.

Только не хватает пасущихся оленей. Разница еще в том, что почти непрерывно тишину пререзают автоматные очереди, перемежаемые более солидными голосами тяжелых пулеметов. Вздвигается к темным облакам и сверкает, медленно падая, ракета: немцы боятся и по ночам стараются все время освещать подступы к своим берегам. Изредка гремит оружейный выстрел. Одному из таких выстрелов я обязан каллиграфическими прелестями моего сегодняшнего письма. Проклятые немцы перебили электрический кабель. Поэтому темно-вато, и я пишу почти наугад.

Передайте всем привет и поздравления с Новым годом.

Ваш Г. Вербов.

Жду писем.

14 февраля 1942 г.

Дорогие товарищи!

Очень и очень огорчен полным вашим молчанием. Оно настолько затянулось, что я теряюсь в догадках и беспокоюсь о вас всех. Что случилось? Обязательно сообщите мне немедленно. Если это что-нибудь неприятное и печальное, то пусть уж я узнаю наконец, в чем именно дело. Итак, я жду.

1 февраля был несколько часов в Ленинграде. Заходил в Институт и ЛГУ, но так как было воскресенье, ничего не добился, все было закрыто. Узнал весьма печальные новости. Первая из них явилась для меня очень большим ударом: скончался Георгий Николаевич. С тех пор, как я это узнал, прошло уже две недели, но мне стоит больших усилий собраться с мыслями и что-либо писать об этом. Не хочу уж писать о том, чем я обязан Г.Н., думаю лишь о нем, как о товарище, с которым меня связывала 12-летняя работа и дружба, и о том, как сейчас осиротела наша отрасль науки. Много нужно будет работать, чтобы восполнить образовавшуюся брешь. Принимаю меры к спасению и сохранению рукописных материалов Г.Н., которым цены нет. Написал об этом дирекции Института. Помните, товарищи, что тем из нас, кто останется в числе живых, выпадет на долю заменить Георгия Николаевича, и мы должны будем это сделать. Если у вас на руках остались какие-либо тексты, программы, ваши тетради, писанные или правленные рукой Г.Н., — тщательно сохраните их.

На нашем фронте успехи, хоть и не быстро, растут. Вы это чувствуете хотя бы по скромному улучшению на продовольственном фронте. Дальнейшее не за горами. В этом я твердо уверен.

Сейчас ночь. Немного кружится голова, так как курю, что в последнее время удается делать не часто. В окошко, которое я закопил бумагой, бьет ветер и доносит привычную трескотню пулеметов.

Работу кончил. Отложил в сторону метеорологические наставления. Ими сейчас занимаюсь, так как переведен в подразделение артиллерийской разведки, где такие вещи требуются. Думаю сэкономить час-другой на сне и, пользуясь наличием лампы, засесть за

ненецкие дела. В чем они в данном случае заключаются, пока вам нарочно сообщать не буду. Скажу только, что это полевая работа, рассчитанная не менее, чем на 8 лет, которые нужно будет провести в одном более чем интересном районе. Возможно, что даже не 8, а больше, быть может 10 лет. Как бы мне хотелось дожить до того времени, когда я смогу претендовать на участие в давно задуманном мною и проектируемом сейчас деле! Нет нужды говорить о том, что участие в этом кого-либо из вас явится почти необходимым, но, увы, необязательным, так как в вашем возрасте отправиться на такой срок едва ли будет желание.

В том случае, если мне не придется вернуться, очень прошу вас не упустить из вида то, о чем я здесь пишу. Тетради с заметками, из которых вы поймете сущность проекта и узнаете район работы, возможно, попадут в Академию или ко мне домой, а вы уж не зевайте и ищите их. (К сожалению, в материалах архива, перевезенного в 1942 г. в Институт этнографии, а также в бумагах, полученных позднее от сестры Г.Д. Вербова Ольги Давыдовны Шелингер, не удалось обнаружить указаний на те планы, о которых писал Г.Д. Вербов. — Ред.) Не забудьте тогда заодно позаботиться и о моих рукописях, большая часть которых у меня дома и часть в Отделе Сибири Института. Разумеется, я не собираюсь еще уходить со сцены, но осторожность требует позаботиться, чтобы то, что принадлежит не мне одному, не пропало бесследно.

Жду, товарищи, письма и объяснения причин вашего упорного молчания. Желаю вам всем здоровья и бодрости.

Г. Вербов.

Мой адрес прежний: ППС № 506, штаб армии, отдел артиллерии.

5 апреля 1942 г.

Дорогая тов. Васильева!

Сегодня ночью, к великой моей радости, получил Ваше письмо от 25.III. Мерз нещадно, сидя под крышей одного высокого сооружения, отсюда ведем наблюдение за передовой линией немцев и неожиданно — такая радость. Я от вас всех не получил ни одного письма, кажется с начала января, и был очень подавлен, теряясь в догадках. 7 марта я был в Ленинграде, но в ЛГУ узнал только об его эвакуации. Ездил я потому (и меня отпустили), что в феврале меня постигло большое горе: почти одновременно скончались мои родители, которых я не мог ни повидать перед смертью, ни похоронить сам. Это сделала моя сестра, единственный оставшийся теперь дома член моей семьи. К ней-то я и приезжал в начале марта.

Днем, когда начал письмо, начался длительный обстрел. Первый снаряд лег перед нашим зданием и меня, на моем чердаке, совсем засыпало сажей. Мою линию связи порвало. Это наши будни, причем почти ежедневные. Продолжаю писать вечером, при свете маленькой печки, так что не удивляйтесь на почерк.

Меня очень радует, что Вы, несмотря на обстоятельства, держитесь бодро и хоть в мыслях не забываете о нашей специальности.

Я тут начал пробу по части литературной (разумеется, из ненецкой жизни). Это дело меня очень интересует, так как должен же быть написан о ненцах «роман без вранья». Сейчас, впрочем, дела таковы, что трудно надеяться на продолжение этой работы в ближайщие месяцы, так или иначе я теперь о смерти не думаю, т.к. прихода ее не предусмотреть, а думаю только о жизни, которая, быть может, продлится и будет полна нового содержания, которого, возможно, и не было бы без всех страданий, переносимых и перенесенных.

Думаю, что отчисление вас троих с филфака в связи с тем, что вы не смогли уехать, не сыграет в дальнейшем отрицательной роли в формальном отношении. Важно, что вы уже показали свои способности и отчасти свое желание специализироваться. Для меня лично этого достаточно, а если я буду жив, то уверен, что с моим мнением по этому, чисто «ненецкому» вопросу, посчитаются. Следовательно, наша четверка и ее дело не пропадут. Смерть Георгия Николаевича, как я уже писал, отняла у меня не только друга и отчасти учителя, но и поставила под угрозу его материалы, столь ценные для науки. Я, когда был в Ленинграде, говорил на эту тему в Институте. Обещали собрать все, когда это можно будет сделать. Не растерялось бы все... *(Дом в Озерках, где жили Прокофьевы, сгорел, поэтому большая часть архива Г.Н. Прокофьева погибла. — Ред.)*

Вчера получил от сестры письмо, в котором она сообщает, что ей предложили эвакуироваться, и просит у меня совета. После всего, что она перенесла, и учитывая, что она совсем одна, вполне вероятно, что она уедет. Это для нее будет лучше. Боюсь только, что в результате могут погибнуть мои рукописи и книги, в которых имеются работы Кастрена, Доннера, Лехтисало, Сирелиуса, Палласа, Лепехина, Вениамина и т.д., собранные ценой многолетнего труда и практически невозполнимые. Я написал сестре, чтобы, когда она решит уехать, она сообщила всем вам (я написал ей адреса, но не знаю все ли вы будете в Ленинграде). Тогда вы свяжитесь с Институтом, куда я тоже написал, и постарайтесь доставить туда рукописи. Всю (по возможности) библиотеку следует забрать к Вам или к вам троим по частям, или к тем из вас, кто намерен остаться в Ленинграде до конца. На книгах следует красным карандашом сделать пометку «В», достаточно крупную. Эти книги вы или Вы будете хранить, пользоваться или, если я не вернусь, считать их своими и использовать их для продолжения работы, которую ведем мы с Георгием Николаевичем. В Институте сейчас директором С.М. Абрамзон, а Отделом Сибири заведует М.А. Сергеев.

То, что Вы работаете, и хорошо и полезно, как опыт для северной работы. О Пырерке и Тайборее ничего не знаю. Желаю вам всем бодрости, здоровья, успехов, всего наилучшего. Пишите мне почаще.

Ваш Г. Вербов.

16 апреля 1942 г.

Дорогая тов. Васильева!

Вскоре после отправки письма Вам, я совершенно неожиданно, вечером 12 апреля попал в город и уехал обратно 13-го. К крайнему сожалению, не успел, как намеревался, зайти к Вам и, узнав адрес вашей службы, повидать Вас. Забежал только на несколько минут в Институт. Дома меня ожидало большое огорчение: сестра уехала 10-го. Застал только соседку, которая смогла лишь объяснить, что сестра уехала в Свердловск. С трудом нашел у одного знакомого ключи от моей комнаты, которые сестра ему оставила. Внутри комнаты многое тоже заперто, все свалено в груды, и я сам не смог ничего найти. Думаю, что письмо сестры раскроет мне все секреты. Благодаря этому изменению ситуации я беру обратно свою к Вам просьбу насчет материалов и библиотеки, так как это сейчас невыполнимо...

Сам я пока жив. Мучает весенний приступ моего старого профессионального ревматизма. Ношу в сумке «Происхождение семьи» и карандаш. Иногда штудирую. Если будет время, то и повесть (или роман), начатый зимой, буду понемногу продолжать.

Жду писем, желаю успехов.

Ваш Г. Вербов.

6 мая 1942 г.

Дорогая тов. Васильева!

Что-то опять долго не получаю от вас вестей. Надеюсь, что мои письма в ответ на ваше последнее письмо Вы получили. Напишите о своих делах и планах и об остальных товарищах. В Ленинграде ли они? Обязательно сообщите адрес и № телефона вашей службы. Если буду в Ленинграде, то постараюсь повидать Вас. Получаете ли вести из Университета?

Желаю всего лучшего

Ваш Г. Вербов

Это было последнее письмо Григория Давыдовича Вербова. Еще одно письмо было уже не от него.

29 октября 1942 г.

Многоуважаемая Людмила Васильевна, не могу сообщить Вам новый адрес вашего учителя, а моего лучшего друга Вербова, так как его уже нет на свете. Он убит в начале июня вблизи станции Понтонная на Ленинградском фронте. Это где-то на Неве. Там же он и похоронен. Удивляться этому событию нельзя, так как он все время был в самых опасных местах. Последнее письмо от него я имел от 31 мая, а 12 июня датировано извещение о его смерти, полученное его сестрой Ольгой Давыдовной Шелингер. Значит, это случилось в первой декаде июня...

Г.Р.

В Редакционно-издательском отделе МАЭ РАН готовится к печати очередной сборник «Культурное наследие народов Сибири и Севера (Материалы Пярых Сибирских чтений, проходивших в Санкт-Петербурге в 2002 году)», в котором помещена статья Л. В. Хомич (Васильевой) «Григорий Давыдович Вербов — исследователь традиционной культуры и языка ненцев». — Ред.